

М. Г. Меерович
Иркутск

Неофициальное градостроительство: тайный аспект советской индустриализации (1928–1932 гг.)*

Принцип разделения градостроительства СССР на «официальное» и «неофициальное»¹, несомненно, условен. Но вполне обоснован потому, что подавляющая часть градостроительных, планировочных, расселенческих мероприятий советской власти никогда не являлась предметом обсуждения, анализа и критики. Никогда даже не попадала на страницы каких-либо официальных изданий или специальных профессиональных журналов. Она была и до сих пор остается закрытой сферой гигантской по масштабу проектной и строительной деятельности.

По планам индустриализации в течение первых двух пятилеток было намечено возведение нескольких тысяч новых промышленных предприятий в районах Сибири, Дальнего Востока, Урала, а также центра, севера и юга страны — регионов, подвергавшихся колонизации и хозяйственному освоению. И при каждом из них предусматривалось строительство поселения для рабочих и членов их семей. Всего намечалось строительство 87 новых городов с суммарным населением в 4,5–5 млн чел., а также сотен социалистических рабочих поселков с населением каждый свыше 10 000 чел., что в целом являло широкомасштабную программу строительства новых поселений, рассчитанных на 6–7 млн населения.

В какой степени эта программа была практически выполнена? И почему никогда и нигде ни сама эта программа, ни возведенные в ходе ее реализации поселения, ни принципы их размещения по территории СССР, ни характер их планировки, ни принудительный (особенно на начальных этапах освоения территории) способ комплектования производств и населенных пунктов рабочими кадрами, ни полнота обеспечения людей жилищем, ни иные вопросы не выступали предметом исследования. Это тайная, неизведанная страница истории существования советского режима, разительно отличающаяся от бравадных рапортов газетных передовиц и многократно повторявшихся на страницах архитектурных и общественно-политических изданий фотографий соцгородов 1920–1930-х гг., — Магнитогорска, Большого Запорожья, Макеевки, Челябинска, Нижнего Тагила, Кузнецка и др.

Сопоставление «официальной» и «неофициальной» сторон градостроительной политики СССР способно пролить свет на один из самых загадочных (несмотря на, казалось бы, широкую освещенность) аспектов советской индустриализации — градостроительное обеспечение государственных планов равномерного распределения промышленности и населения по территории страны. Осуществлявшееся с целью формирования единой структуры предприятий военно-промышленного комплекса, а также в целях хозяйственно-индустриального освоения окраинных территорий.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00512а.

Сопоставление «официальной» и «неофициальной» сторон градостроительной политики в СССР позволит также ответить на вопросы никогда даже не ставившиеся в специальной исследовательской литературе. Например, каким образом градостроительная и неразрывно связанные с ней территориально-планировочная и организационно-управленческая доктрины, призваны были воплотить (и практически воплощали) программы индустриализации и коллективизации? Кто из политических деятелей или ученых (и, соответственно, какие плановые и проектные организации) определяли, по каким принципам и где конкретно строить новые города?

В существующей исторической литературе в качестве основного исторического «источника» ответа на эти вопросы обычно указывается всесоюзная дискуссия о соцрасселении. Считается, что именно она определила стратегию градостроительного (расселенческого) развития страны. Хотя до сих пор никто из исследователей внятно не пояснил, в чем же конкретно эта стратегия заключалась.

Началась дискуссия в конце 1929 г. и проходила в стенах Госплана СССР и Комакадемии ЦК ВКП(б). В 1930 г. к дискуссии подключился ряд журналов, посвятивших публикации ее материалов свои первые номера: «Литература и искусство», «Современная архитектура», «Революция и культура», «Строительство Москвы», «Плановое хозяйство» и др. Материалы дискуссии были широко представлены и на страницах главных газет страны: «Правды», «Известий», «Комсомольской правды», «Экономической жизни», «Вечерней Москвы», «За индустриализацию» и др. Были изданы сборники докладов и стенограммы выступлений. Бурная дискуссия собрала таких известных в то время государственных, общественных деятелей, ученых, архитекторов, как Н. Ковалевский, Г. Кржижановский, Н. Крупская, А. Луначарский, Н. Семашко, С. Струмилин, братья Веснины, М. Гинзбург, Н. Милютин, Н. Ладовский, А. Щусев и другие².

Окончание дискуссии следует датировать 29 мая 1930 г. — когда было опубликовано, принятое 16 мая, постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта»³, по сути дела четко и весьма недвусмысленно приказавшего: «Хватит дискутировать! Строить и проектировать будете то, что прикажет власть...».

Произошедший с выходом данного постановления перелом естественного хода эволюции теоретической мысли до сих пор остается загадкой. Не раскрытой и не объясненной также остается последовательность смены теоретических оснований расселенческих доктрин России: от предреволюционной к послереволюционной, а затем — к индустриальной, собственно, и обсуждавшейся в ходе дискуссии.

Российская ведомственно-государственная расселенческая программа предреволюционного периода по возведению поселений-садов детально изучалась Е. Б. Кириченко, Н. П. Крадиным, С. С. Левашко, М. В. Нащокиной, В. Л. Ружже и другими авторами. Но, к сожалению, в отечественном градостроении до сих пор отсутствует ответ на вопрос о причинах общегосударственного запрета, в советский период, концепции города-сада. Гипотезы о причинах данного запрета⁴ требуют своей проверки, детальной проработки и фундаментального обоснования или опровержения.

Следующий этап формирования расселенческой доктрины — послереволюционная теоретическая проработка вопросов формирования «поселений нового типа» при отдельно стоящих промышленных объектах⁵, и деятельность рос-

сийских архитекторов по практическому проектированию советских рабочих поселков-садов, — освещен в отечественном архитектуроведении также слишком бегло и поверхностно. Общеизвестен тот факт, что в первые годы советской власти архитекторы, в условиях социальных преобразований, отмены частной собственности на землю, провозглашения приоритета общественных форм жизни и деятельности, обращаются к идее города-сада. Эта идея становится популярной еще в предреволюционный период. Архитекторы искренне верят в то, что советская власть устраним все недостатки дореволюционных поселений подобного типа и создаст подлинные города-сады — с коллективными формами организации быта и управления, с общественной собственностью на землю, с комфортабельными индивидуальными домиками коттеджного типа для отдельной семьи, с участками земли для разведения сада, огорода и домашней живности. Они надеются практически воплотить не только наиболее привлекательные художественно-планировочные принципы города-сада (комплексное проектирование, целостность композиции, единое пространственное решение улицы, кварталов, поселения в целом, трассировки пешеходных связей и проездов, обеспечения связи с природой и т. п.), но, что самое главное, практически не реализованное в предреволюционной России социальное содержание — специфические организационные формы коллективного владения и распоряжения землей, формы государственной поддержки в финансировании возведения жилища и инфраструктуры, коллективные формы управления процессами градостроительства, общественные формы текущей эксплуатации территории поселения, т. е. применить социально-градостроительные принципы, которые созрели до этого как протест против кризиса капиталистических городов, но в них самих были неосуществимы.

Многие события этого периода до сих пор остаются без объяснения причин своего происхождения, а многие, казалось бы, понятные явления, вдруг, при изучении новых материалов (а иногда и при внимательном прочтении старых — давно известных), выпадают из, казалось бы, очевидной закономерности их возникновения. В частности, до сих пор остается непонятным, в каких аспектах идея города-сада, широко пропагандируемая некоторыми влиятельными общественными деятелями и непосредственно реализуемая известными архитекторами в послереволюционный период⁶, вошла в противоречие с формируемой властью концепцией социалистического рабочего поселка? В чем заключалось принципиальное отличие говардовского города-сада от советского рабочего поселка-сада? Почему к концу первого послереволюционного десятилетия так резко, в сравнении с первоначальным, изменилось отношение к идее города-сада органов, осуществляющих государственную градостроительную политику?

Не вскрытыми остаются также и причины упорства, с которыми архитекторы даже в начале 1930-х гг. (т. е. после, фактически, официального отказа органов власти от говардовской идеи) продолжают обращаться к концепции города-сада и стараются доказать ее эффективность и уместность в вопросах социалистического расселения? Нет ни одного исследования, объясняющего, почему, советская власть, одновременно, осуществляла силами ведомств возведение рабочих поселков-садов рядом с реконструируемыми промышленными предприятиями, и в то же самое время боролась с инициативами жилищной кооперации по строительству точно таких же поселков-садов рядом с существующими городами.

Следует отметить, что в отечественном архитектуроведении имеется указание на то, что города-сады были отвергнуты потому, что противоречили «тенденциям формирования промышленной агломерации»⁷. И это замечание абсолютно точно фиксирует суть содержательного конфликта идеи города-сада и формирующейся концепции поселений особого «социалистического типа», но нигде в специальной литературе не разъясняется, в чем это противоречие заключалось. Считается, что одной из главных причин, вызвавших отказ от идеи города-сада, как прототипа «социалистического поселения», была «моноструктурность его градостроительной системы». Именно она приводила этот тип поселений в несоответствие «реальным процессам урбанизации и усложняющейся действительности в области градостроительства»⁸. Это утверждение абсолютно точно фиксирует содержательную суть проблематики. Но не проясняет почему, отказавшись от города-сада, власть вместо него ввела «социалистический рабочий поселок», также являвшийся моноструктурным градостроительным образованием, практически абсолютно совпадавшим с городом-садом и по численности населения, и по характеру планировки, и по принципам зонирования, и по балансу территории, и даже по типам застройки (а если в чем-то и отличавшимся, то крайне незначительно). Нигде в специальной литературе не разъясняется, какие цели ставили перед собой государственные органы руководства сферами строительства и проектирования, когда, одновременно, направляли делегации за границу для изучения и обобщения европейского опыта проектирования городов-садов, и, в то же самое время, категорически запрещали их строительство в СССР.

На фоне слабой изученности начального периода развития советского градостроительства, дискуссия о концепции социалистического расселения занимает особое место. Она подвергалась сосредоточенному фундаментальному исследованию во многих трудах⁹. О ней, как о знаковом событии в истории советской архитектуры, знает каждый российский архитектор! И каждый из них на вопрос, что это была за дискуссия, с уверенностью ответит: «Это был спор между урбанистами и дезурбанистами». Но это далеко не так. Прежде всего, потому, что дискуссия о соцрасселении выявила не столько различие в этих двух (а точнее, нескольких) теоретических направлениях в советской архитектуре, сколько их совпадение. А потом, совершенно официально запретила и те, и другие, и третьи. И, вообще, все. Почему?

Период 1929–1933 гг. все без исключения исследователи советской архитектуры называют «переломным». Здесь произошли такие ключевые для истории архитектурной профессии события, как: а) конкурс на Дворец Советов, б) запрет деятельности творческих архитектурных группировок, в) дискуссия о социалистическом расселении, г) образование Союза советских архитекторов СССР. Но именно эти события до сих пор остаются вне углубленного и всестороннего изучения, как единое комплексное явление. Они рассматриваются как отдельные события, вне их очевидной взаимосвязи, как разные стороны одного механизма принудительной трансформации профессионального мышления и деятельности.

Каждое из этих событий по отдельности детально изучалось. В частности, дискуссия о социалистическом расселении, в результате которой были официально, фактически законодательно, определены пути развития советского градостроительства, детально исследовалась В. Э. Хазановой. И В. Э. Хазанова, пожалуй, единственный ученый, который выявил, систематически обобщил и

проанализировал практически все материалы дискуссии. Причем, проделано это было не только в отношении градостроительного содержания, но, что самое важное, в широких рамках культурно-исторического контекста того периода. Итогом явилась глубоко фундированная фактическими материалами монография «Советская архитектура первой пятилетки»¹⁰. Но Вигдария Эфраимовна невольно сосредоточила свое (и читателя) внимание, прежде всего, на противостоянии взглядов представителей двух теоретических направлений — урбанистов и дезурбанистов. При этом, сами собой, на второй план отошли и оказались в отдельных своих частях почти не раскрытыми иные точки зрения, фиксировавшиеся в ходе дискуссии и являющиеся ничуть не менее значимыми для изображения «исторической палитры» теоретических позиций.

До сих пор, к сожалению, совершенно без ответа остаются вопросы, принципиально значимые для истории отечественного градостроительства советского периода: какое направление реализации расселенческой доктрины избрала советская власть, отвергнув теоретические концепции и урбанистов, и дезурбанистов? Почему именно это направление, а не иное из широкого спектра предлагавшихся? В чем содержание той стратегии, которая начала реализовываться, буквально, на следующий день после принудительного прекращения дискуссии — в чем суть официально принятых концепций «социалистического расселения» и «социалистического города»?

Безусловно, выявление оппозиции урбанистов и дезурбанистов (а на это указывается в каждой работе, упоминающей о дискуссии о соцрасселении), способно разъяснить различия в предлагаемых ими формально-композиционных градостроительных схемах. Но, при этом, упускается главное — совпадение их отношения к базовым социально-политическим и организационно-управленческим постулатам доктрины, реализуемой властью. А участники дискуссии, несмотря на непримиримое противопоставление своих архитектурно-градостроительных позиций, исходили из одних и тех же концептуально-идеологических оснований. На этот факт обращает внимание С. О. Хан-Магомедов, цитируя в своей монографии «Архитектура советского авангарда»¹¹ письмо членов редколлегии журнала «Современная архитектура» — урбанистов. В нем они открыто демонстрируют совпадение своих социально-политических и социально-организационных взглядов с позицией их оппонентов — дезурбанистов (других членов редколлегии). Именно этот факт и должен выступить для будущих исследователей предметом сосредоточенного изучения, с целью выявления той концептуальной основы, тех фундаментальных принципов, которые советская власть в дальнейшем принудила исполнять не только урбанистов и дезурбанистов, но и носителей любых иных точек зрения.

Никто из исследователей дискуссии о соцрасселении до сих пор не указал на ее основную задачу — необходимость выработки нового типа управления городами. Особенность заключалась в воплощении его в иных, нежели в царской России, общих условиях: единого народнохозяйственного планирования, целенаправленного финансирования, централизованного материально-технического снабжения. Новый тип управления городами должен был учитывать иные принципы размещения, возведения и функционирования поселений (исключительно при промышленности, ее силами и за счет ее средств); искусственные формы организации внутригородской жизни и деятельности; факторы централизован-

ного создания инфраструктуры и распределительного характера системы обслуживания; и очень специфическую жилищную политику. Никто не вскрыл того факта, что дискуссия о социалистическом расселении призвана была сформулировать принципы пространственного размещения промышленности и населения по территории страны на основе военно- и трудо-мобилизационной организации населения. А она должна была осуществляться через членение государства на специфические административно-территориальные единицы, способные обеспечивать закрепленный за ними фрагмент общегосударственного процесса производства и распределения продукции, а также процессы жизни, рассматриваемые властью, прежде всего, как обеспечивающие производственную деятельность.

Никто не ответил на вопросы, до сих пор, фактически, даже не поставленные — какое содержание закладывалось партийными и плановыми органами в основу градостроительной проработки концепции соцгорода? Как градостроительная доктрина соприкасалась с концептуальными предложениями политиков, экономгеографов, транспортников, энергетиков и др.: в какой степени зависела от них, а в какой степени на них влияла? В чем проявлялось воздействие идеологических постулатов марксистской доктрины на решения, принимаемые советской властью в области архитектуры и градостроительства? Посредством каких государственных органов эти решения «вдавливались» в профессиональное сообщество, принудительно изменяя содержание его мышления и деятельности?

Крайне важно для полноты понимания истории отечественного градостроительства, также раскрыть то мощное воздействие, которому в 1920–1930-х гг. подвергались градостроительные решения со стороны программ формирования общегосударственной транспортной инфраструктуры, планов развития военно-промышленного комплекса, практических задач развития ресурсных регионов, планов освоения окраинных территорий страны и закрепления населения на этих рубежах. Необходимо втянуть в архитектурные исследования исторические материалы, посвященные вопросам: а) переселенческой политики советской власти¹²; б) экономгеографическим стратегиям территориального районирования¹³; в) вопросам размещения промышленности; г) формирования распределительной системы¹⁴. Для разработки темы «неофициальное градостроительство» необходимо привлечь и имеющиеся исследования по формированию архитектурно-планировочных решений конкретных социалистических городов¹⁵. Необходимо также раскрыть зависимость расселенческих доктрин от экономгеографических обоснований и военно-стратегических планов и показать, как менялись эти планы и как, соответственно, изменялись градостроительные стратегии.

Углубленное изучение градостроительных идей, объединенных общим названием «концепция социалистического расселения», выявление степени влияния на эти идеи общегосударственных задач социально-политического, экономгеографического, социально-управленческого, оборонного характера, позволит выяснить причины отказа (в конце 1920-х — начале 1930-х гг.) от дореволюционной расселенческой программы (города-сады). Также это позволит выявить причины кардинальной трансформации послереволюционной практики проектирования советских рабочих поселков¹⁶.

Последовательность постановки и решения задач индустриального развития СССР кажется сегодня довольно прозрачной. Задача формирования мощного современного военно-промышленного комплекса (ВПК) ставит перед прави-

тельством страны вопрос о том, сколько и каких следует построить предприятий, чтобы сформировать единую технологическую сеть производств, способных оптимальным образом осваивать природные запасы сырья и быть предельно неуязвимой во время возможных боевых действий. Подобная постановка вопроса, заметим, привела, через некоторое время, к выработке стратегии создания эшелонов оборонных предприятий в зонах, недоступных (на тот период) для воздушных ударов авиацией любого из вероятных противников (на Урале, в Сибири, в отдаленных частях севера, юга, востока страны) Сюда не способны были долететь вражеские бомбардировщики, т. к. возможности самых дальних из них не позволили, без дозаправки, осуществлять перелет до места размещения объектов советского ВПК и обратно (на аэродромы базирования).

Как следствие постановки этой задачи, в 1927–1928 гг. в СССР начинает создаваться государственный оборонный комплекс — разрабатывается программа развития ВПК, именуемая программой индустриализации страны. Госплан получает задание разработать (и к 1929 г. теоретически разрабатывает) организационно-управленческие принципы административно-территориального деления страны в соответствии с задачами размещения объектов единой системы ВПК¹⁷. Госплан практически определяет производственно-экономический потенциал неосвоенных регионов и потребность в рабочей силе, необходимой для их освоения. Потребность привлечения около 10 000 000 новых рабочих рук предполагала не только решение вопросов формирования транспортной инфраструктуры, наличия технологий и оборудования, добычу местных стройматериалов, ускоренных способов возведения жилья, но и решения проблемы способов и путей формирования трудовых ресурсов. Массовая коллективизация, депортации лишенцев и безработных, террор, как таковой, являлись планомерно и целенаправленно используемыми средствами решения этой задачи.

Но при кажущейся ясности и прозрачности социально-организационных оснований советской коллективизации и индустриализации совершенно неясным остается — кто проектировал структуру размещения новых промышленных предприятий? Какие организационно-управленческие принципы закладывались в ее основу? Кто проектировочно формировал сеть новых поселений при новых промышленных предприятиях (сначала в виде трудовых и концентрационных лагерей, а затем, на их месте — социалистических рабочих поселков, и уже потом — соцгородов)? Кто проектировал сами лагеря и возникающие вблизи них гражданские поселения? Кто из мастеров советской архитектуры и градостроительства СССР, широко известных своими «официальными» работами, непосредственно занимался (курировал) эту «тайную» сторону проектной деятельности?

«Неофициальное», тайное градостроительство неразрывно смыкается с деятельностью военно-промышленного комплекса. В январе 1930 г. советское руководство рассматривает развернутую программу и план модернизации Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), разработанную с учетом геостратегических целей и геополитического положения СССР. Предлагается к концу пятилетки обеспечить наличие в Красной Армии 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий артиллерии большой мощности и минометов, а также обеспечить войска к указанному времени 40 тыс. самолетов и 50 тыс. танков¹⁸. Сущность концепции модернизации РККА основывалась на идее о том, что гражданские производства должны быть устроены так, чтобы в случае войны

оказаться легко приспособляемы к стремительному переходу на военные рельсы. Подобная «ассимиляция производства», основывалась на том, что военные производственные мощности в мирное время частично занимались выпуском мирной продукции, а гражданские производства, и в мирное время, частично специализировались на производстве продукции военного потребления¹⁹. В результате, во-первых, обеспечивалась их взаимозаменяемость и взаимодополняемость, а во-вторых, в случае необходимости, путем не слишком больших дополнительных затрат и организационно-технических усилий, все эти предприятия могли в короткие сроки обеспечить многократное наращивание объемов выпуска военной продукции. Способность страны к быстрой мобилизации своих промышленно-экономических ресурсов и переводу гражданской промышленности на военные нужды²⁰ рассматривалась в рамках этой программы как один из основных показателей ее военной мощи²¹.

По существу, был поставлен вопрос о кардинальном изменении основ советского ВПК, о новых принципах его структурирования. «Ассимиляция производства» заключалась в том, что для реализации массового выпуска, например, танков в условиях военного времени, не нужно было строить новых заводов. Военное производство могло и должно было базироваться в основном на гражданской промышленности. Это предложение основывалось на очевидной констатации того факта, что военная продукция — это изделия массового производства, требующие высокой точности и технологичности изготовления. А как показал опыт Первой мировой войны, освоение их производства, даже на приспособленных для этого заводах гражданской промышленности, занимает 1–2 года. Следующий из этого вывод заключался в том, что все основные виды военного производства должны быть в постоянной отработке — гражданская промышленность должна иметь постоянную военную компоненту, но, при этом, не обязательно готового вида (за исключением военных изделий так называемой 3-й группы: предметов электротехнического, железнодорожного, понтонного, интендантского имущества, средств связи и маскировки, инженерного инструмента и т. п.). В результате, на различных гражданских заводах изготавливались отдельные военные «полуфабрикаты»: порох, гильза, корпус снаряда, капсуль, взрыватель, дистанционная трубка, тротильный заряд. Они не образовывали «готового изделия» — «выстрел» (также, например, как изготовленные по отдельности: орудийное тело, лафет, передок, оптические приборы, и проч. не образовывали «готового изделия» — «систему орудийного огня»). Только после сборки на специализированном объекте военно-промышленного комплекса, все эти компоненты превращались в законченное «военное изделие». Таким образом, военно-гражданский промышленный комплекс включал: а) находящуюся в постоянном функционировании систему гражданско-военных производств, б) систему специализированных военных производств, в) систему специальных военных производств, обеспечивающих технологически слаженную и календарно согласованную процедуру сборки-изготовления готовой военной продукции, г) систему специализированных конструкторских и проектных военно-производственных бюро и т. п. Все это, в свою очередь, предполагало наличие постоянного кадрового состава, материально-технологического комплекса и научного потенциала для разработки и освоения новых видов вооружений.

Мощным доводом в пользу идеи ассимилированного производства была и убежденность²² в том, что, в частности, танки могут легко создаваться на базе

дооборудованных бронированных тракторов, которые могут заменять идущие во 2-х и 3-х эшелонах тихоходные танки. Программа строительства гражданских заводов получала, в итоге, совершенно особое «военно-промышленное» качество и приобретала дополнительные требования. Задачи же, поставленные перед государственной системой проектного дела в отношении гражданских заводов и поселений при них, превращались в стратегические, имевшие отношение, фактически, ко всей «тяжелой» гражданской промышленности.

Начиная с 1930-х гг. в рамках военно-промышленного комплекса формируются не только специализированные военные научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, лаборатории, но и проектные институты промышленных наркоматов. Они обеспечивали разработку проектной документации не только для военных предприятий, но и для поселений при них, и выполняли огромный объем работ по возведению новых рабочих поселков при строящихся промышленных предприятиях. Эта работа выполнялась наркоматами — производителями военной продукции, объединенными с 1932 г. в составе Наркомтяжпрома.

Подобный взгляд на историю отечественной архитектуры может сильно изменить устоявшиеся представления о реальных масштабах градостроительной деятельности, именно с теневой ее стороны. В советско-российской, да и в западной специальной литературе, показатели объема «военно-промышленного» освоения территорий сильно занижены в сравнении с показателями освоения территории «гражданской промышленностью». Какое количество поселений проектировалось и возводилось в системе ВПК? Отличались ли эти проекты и, в конечном счете, эти поселения от создававшихся в стенах гражданских проектных организаций? Существовали ли какие-либо специфические нормы проектирования гражданских объектов, нормы для деятельности негражданских проектных институтов? Список этих проектных институтов, содержание их градостроительной деятельности, численность кадрового состава архитекторов-проектировщиков, особенности постановки и решения архитектурно-градостроительных задач — слагают еще один из неизученных на сегодняшний день фрагментов истории отечественной системы проектного дела. Такими же нераскрытыми остаются структура и объемы военно-промышленного производства²³, а они могут дать ответ на вопрос о структуре и величине новых рабочих поселений 1920–1930-е гг., о пропорциях между «официальным» и «неофициальным» градостроительством.

«Неофициальное», тайное градостроительство также неразрывно смыкается и с функционированием ГУЛАГа. От кого исходила целенаправленная политика организации новых промышленных производств на базе концентрационных лагерей силами заключенных (приведшая, в конечном счете, к необходимости планового пополнения системы гулаговского строительства все новой и новой бесплатной рабочей силой)²⁴.

Изучение огромного, практически не вскрытого, исторического материала о реальных процессах возведения соцгородов, градообразующих предприятий и инфраструктуры подле них силами заключенных, позволит осветить одну из самых загадочных тем в истории Советского Союза — градостроительство ГУЛАГа. Какой процент подневольной рабочей силы использовался для строительства новых поселений? Какой состав и объем работ выполнялся заключенными? Как влияло на планировочную структуру соцгородов размещение на их территории пунктов

содержания заключенных, учитывалось ли и планировалось ли это размещение в разрабатывавшихся генеральных планах городов (или проектировщики о нем не подозревали) и т. п. ?

В рамках «официального» градостроительства широко известны объемы капиталовложений в первенцев первой пятилетки — заводы-гиганты; много сведений опубликовано о строительстве транспортных артерий — железных дорог, каналов; о возведении системы электрических станций — плотин на огромных реках. При этом совершенно неясным остается вопрос об объемах средств, направлявшихся на жилищное строительство. В силу каких причин строительство жилищ хронически отставало, принуждая людей долгое время ютиться в спертых товарных вагонах, засыпных палатках, шалашах, бараках, землянках? Неясным остается вопрос о расселенческом обеспечении этих строительных программ — как изначально планировалось размещение строителей и их семей, как определялась их дальнейшая судьба? Какие условия быта закладывались в проекты жилых поселений при новостройках? Как на стадии проекта дифференцировалась жилая среда в зависимости от квалификационного, служебного, административно-управленческого статуса людей, занятых на производстве?

Всем известны Беломоро-Балтийский и Волго-Донской каналы — образцы принудительного осуществления планов индустриализации. Но абсолютно ничего неизвестно о том, какая инфраструктура (транспортная, жилая, хозяйственная и т. п.) создавалась вокруг них: на основе каких проектов она формировалась и кто разрабатывал эти проекты? Какое структурное изменение в характере освоения территорий предполагалось (и реально происходило) в результате возведение производственных и транспортных объектов первой пятилетки, какие идеи преобразования изначально пустующих территорий клались в основу стратегии возведения на них индустриальных объектов? Кто давал проектные задания, в каком виде? Кто предписывал, где и какие промышленные (инженерно-технические) сооружения следует возводить, кто персонально определял (или в рамках каких коллективов это прорабатывалось) объемы жилья различных типов, составы объектов обслуживания, плотность размещения сооружений на территории? Кто все это придумывал, прогнозировал, проектировал. Это тоже «неофициальное» градостроительство.

Сегодня мы знаем, что всего лишь одна советская проектная организация под названием Госпроектстрой-1 (созданная специально для освоения и реализации американского поточно-конвейерного способа проектирования промышленных предприятий и массового обучения ему советских архитекторов и инженеров) разработала проекты около 530 (по другим подсчетам — 570) индустриальных объектов первой пятилетки. Но абсолютно не известно, кто проектировал поселения при них (какого типа, по какому планировочному принципу, из каких видов жилищ, с какими составом объектов обслуживания т. п.). Не знаем, были ли они реализованы в соответствии с первоначальным замыслом (хотя знаем, что многие подвергались кардинальной переработке в советских проектных организациях, причем архитекторы, исполнявшие задания по переработке проектов, зачастую, не ведали, зачем это нужно). Какие типы планировочной структур предусматривались в этих проектах?

Сегодня мы знаем о существовании крупной проектной организации, курировавшей проектирование Магнитогорского металлургического, Нижнетагиль-

ского вагоностроительного, Уральского машиностроительного, Кузнецкого и Криворожского металлургических, Златоустовского, Красноуральского медеплавильных комбинатов и других «военно-гражданских» заводов первой пятилетки. Это Гипромез²⁵, в проектное бюро которого входил сектор промышленных городов и поселков. Какую роль играл этот сектор в проектировании поселений при промышленных предприятиях? Как осуществлялся контроль над содержанием деятельности этого сектора? Какую роль в утверждения разработанных институтом проектов играл Совет Гипромеза (в составе 21 члена), пользовавшийся правом решающего голоса? Какую роль призваны были исполнять специалисты, назначенные на введенную в начале 1930-х гг. должность «главный инженер проектов», при которых в период первой пятилетки состояла группа иностранных консультантов? Какую роль играла «экономико-бытовая группа» — одна из двух групп сектора промышленных городов и поселков? Какие задачи выполняла архитектурно-планировочная группа (входившая в сектор наряду с «экономико-бытовой»)?

А ведь все эти вопросы приложимы к любой из советских проектных организаций. Как вообще было устроено и как функционировало особое проектное учреждение — «проектный институт», который был единицей огромной общегосударственной системы массового проектного дела в СССР — явление, сходного с которым не было в мировой практике?

Именно с этой, совершенно не раскрытой страницей истории советской архитектуры и градостроительства²⁶, связан еще один массив вопросов о том, какую роль сыграла государственная организация системы массового градостроительного проектирования в СССР в период подготовки и осуществления индустриализации. Известно, что, начиная с 1926 г., в СССР интенсивно и целенаправленно создается структура проектных организаций государственного подчинения, основанная на превращении архитектора из творческой личности в дисциплинированного, послушного государственного служащего, призванного и готового безропотно осуществлять поточное проектирование военных и гражданских объектов. Известно, что к 1930 г. советское правительство своими постановлениями совершенно официально (де юре) запрещает всякую частную проектную практику²⁷ (а еще раньше — исключает ее возможность де факто). Известно, что в этот период проектное дело встраивается в формируемую иерархическую структуру административно-командного подчинения. Но абсолютно неизвестно, кто из архитекторов формировал эту структуру? Кто занимал в ней командные посты? Кто конкретно осуществлял организацию массовой коллективной архитектурной (градостроительной) проектной деятельности, обеспечивавшей проектной документацией гигантские строительные программы первой пятилетки? Кто готовил эту организационную реформу?²⁸ А ведь иностранный опыт организации проектных работ (прежде всего, немецкая и американская формы организации проектного дела — групповые и бригадные формы работы, вид проектной документации, степень унификации и стандартизации и т. п.) становится в конце 1920-х гг. объектом пристального внимания и серьезного изучения со стороны советской власти. Он исследуется специально уполномоченными для этой работы представителями советской архитектурной элиты, направляющимися в производственные командировки в США и Германию. В 1927–1928 гг. в Германии побывали — А. Розенберг, Н. Волков, Эль Лисицкий, Н. Богданов, А. Бу-

ров, Г. Вольфензон, В. Углов, Д. Аранович, В. Бабуров, И. Маца и др. В 1929 г. в Австрию, Венгрию, Чехословакию, Италию Германию с целью изучения планировки и архитектуры городов был командирован Г. Б. Красин²⁹ и т. п.

«Неофициальное», тайное градостроительство тесно смыкается и с деятельностью НКВД. Начиная с 1921 г. высшая власть уполномочивает Главное управление коммунального хозяйства НКВД (ГУКХ НКВД) исполнять роль единственного распорядителя государственной недвижимости. На него возлагается попечение обо всех работах по градостроительному проектированию, а также заведование возведением и эксплуатацией жилого фонда существующих городов и инфраструктурой населенных мест городского типа. Ему же поручается проектирование новых населенных мест, а также формирование методологии градостроительного проектирования, разработка норм, определение принципов проектирования населенных мест социально нового вида — советских рабочих поселков, а затем социалистических городов. А поскольку никаких иных форм собственности на жилище, кроме государственной, в СССР, фактически, не существует, постольку ГУКХ НКВД выступает единственным «субъектом» владения и распоряжения городской недвижимостью. В СССР кооперативная, частная, коллективная формы возведения и эксплуатации жилищ кардинально отличались (в отношении прав собственности и распоряжения) от своих западных аналогов. Проведенная автором данного исследовательского проекта предварительная проработка этого вопроса, позволяет обоснованно утверждать, что государство было единственным полномочным «хозяином» всей городской недвижимости и единственным официальным застройщиком новой³⁰.

Сколько и каких проектных мастерских было в составе ГУКХ НКВД (и других подразделений НКВД, осуществлявших градостроительное проектирование)? Проекты каких городов они создали? Какие нормы градостроительного проектирования и исходя из каких принципов разработали? Проектировали ли они поселения при новых военно-промышленных предприятиях (или этим занимались так называемые «шарашки» в системе ГУЛАГа)? Кто разрабатывал типовые проекты лагерей для заключенных, кто осуществлял «привязку» их по месту в границах генпланов будущих городов?³¹ Деятельность каких проектных организаций никогда не освещалась в открытой печати и почему — чем они занимались?

Как согласовывалась деятельность гражданских и ведомственных (не находившихся в ведении НКВД) проектных организаций? Каким образом происходило согласование решений по размещению промышленных предприятий, трудовых лагерей и поселений для вольнонаемных? И какова, в этой связи, была процедура исполнения градостроительных работ (кто и по какому признаку указывал на места расположения новых производств и задавал, тем самым, места проектирования поселений, какой вид проектирования являлся первоочередным — промышленное проектирование или проектирование населенного места? В какой форме перемещалась проектная информация от ведомственного к гражданскому проектированию и наоборот? Или она так и оставалась в области секретного — «неофициального»?

«Неофициальное» градостроительство поддерживалось принудительными миграционными мероприятиями — именно таким образом обеспечивалась поставка трудовых ресурсов, необходимых для возведения новых промобъектов и поселений при них на Севере, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке,

в Казахстане и др. местах? Рассмотрение содержания разработанной в рамках Госплана СССР концепции социалистического расселения со стороны ее экономических и геополитических интересов, воплотившихся в сталинской стратегии производственного освоения территорий и индустриального развития страны; изучение механизмов перемещения в нужном направлении (в места сырьевого, индустриального и транспортного освоения территорий) и в требуемом количестве трудоспособного населения, остается одной из до сих пор не исследованных глав отечественной истории.

Заметим, что принудительные миграции, если и изучались историками и исследователями-крестьяноведами, то лишь в контексте раскулачивания и массовых депортаций крестьянского населения. Но никогда не рассматривались в связи с концепцией соцрасселения как инструмент планового и заранее рассчитанного формирования трудовых ресурсов соцпоселков и соцгородов. Коллективизация, фактически, никогда не выступала предметом изучения в контексте индустриализации, как процесс целенаправленного превращения репрессированного крестьянства в универсальную рабочую силу с плановым ее перемещением в места отправления принудительного труда — в промышленность, строительство, лесозаготовки, золотодобычу, добычу других природных ископаемых и проч.³²

Изучение механизма и объемов принудительного перемещения рабочей силы в процессе коллективизации, механизма принудительного закрепления населения после отбытия срока заключения в колонизируемых местах; исследование принципов и характера возведения гражданских поселений заключенными, а также выявление структуры мест размещения труд- и спецпоселений и лагерей, может не только дать ответ на вопрос о структуре и величине новых рабочих поселений 1920–1930-х гг., возникавших в зонах принудительного освоения территорий; но и способно раскрыть реальное содержание градостроительных программ, осуществлявшихся в СССР сталинским руководством.

Подобная постановка вопроса потребует: а) изучения характера принудительных миграций населения к местам индустриального, сырьевого и инженерного освоения территорий; б) изучения принципов территориального размещения системы сталинских трудовых и концентрационных лагерей с выявлением характера изначально планируемого и реально происходившего освоения территории, зачастую начинающегося с размещения лагпунктов и возведения силами заключенных производственных объектов, объектов инфраструктуры и транспортных коммуникаций, а уже потом приводящего к возникновению на данных территориях гражданских поселений; в) исследования реального процесса расселения и «оживания» территорий.

Вопрос, ответ на который не дает ни одна книга воспоминаний, ни одно партийно-правительственное постановление, ни одно научное исследование — зачем советское руководство в конце 1930-х – начале 1940-х гг. активно привлекало в СССР зарубежных архитекторов? Какие надежды на них возлагало, какие цели перед ними ставило?

В 1929–1932 гг. в СССР по договорам и контрактам приехало архитекторов (не считая инженеров) менее 100 чел.: немцы, американцы, швейцарцы, голландцы, англичане, венгры, чехи и др.

На что могли повлиять эти 100 человек, которые были буквально каплей в море собственных архитекторов — в 1928–1929 гг. в Москве насчитывалось около

10 000; в Ленинграде — 9 000 (40 проектных организаций); в Харькове — 5 500 проектировщиков³³. К этому времени советские вузы уже больше пяти лет выпускали архитекторов и практически никто из них не сидел без работы. Кроме того, промышленное проектирование (на которое, в основном, приглашались западные архитекторы), велось, зачастую, усилиями инженеров без участия архитекторов вообще. От градостроительного проектирования, к которому также привлекались иностранные архитекторы, власть требовала поиска инновационных подходов и решений, учитывающих особенности страны победившего социализма (к такому иностранные архитекторы не были готовы). А вопросы расселения и районной планировки решались в основном политиками и экономгеографами. Мнение архитекторов в этих вопросах существенного значения не имело. Какую реальную пользу могли принести эти 100 иностранных архитекторов?³⁴

Следует заметить, что советская власть приглашала западных архитекторов в очень специфическую ситуацию — она требовала от них забыть о частном проектировании³⁵ (в рамках которого они до сих пор работали), предлагая устраиваться на работу в советские проектные организации и вписываться в государственную систему проектного дела, усиленно формируемую в данный период. А это означало — отсутствие привычных для частной практики персональных контрактов на работы и, как следствие, фактическое отсутствие оговоренных заранее условий труда — сроков, заработной платы, гарантий социального обеспечения, гарантий представления требуемой информации и технического обеспечения, правил внутриколлективных взаимоотношений и проч. Конрад Пюшель — один из молодых архитекторов, недавних студентов-выпускников Баухауза, приехавших вслед за Ханнесом Майером³⁶ в Москву, вспоминал о том, что для него и других архитекторов до последнего момента оставалось загадкой то, в каких именно отношениях они находились с работодателем. Договоров на работу они сами не заключали, а Ханнес Майер (в бригаде которого К. Пюшель работал) все вопросы на эту тему отметал как провокационные³⁷.

Мы знаем, что участие зарубежных архитекторов в выработке гигантского объема проектной документации, требуемого в ходе индустриализации, шло двумя мощными потоками: а) в виде заказов, размещаемых в других странах и выполнявшихся иностранными фирмами; б) в форме непосредственной проектной деятельности иностранных архитекторов, приехавших в СССР.

Зарубежными проектными организациями в период 1928–1929 гг. выполнялся значительный объем проектных работ (и самостоятельно, и совместно с отечественными проектстройорганизациями). Он составлял 12,5 % от общего количества проектов, выполненных в этот период по стране в целом. Причем этот объем расширялся — из 45 проектов, выполняемых в 1928–1929 гг., 15 являлись завершаемыми и 30 вновь начинаемыми. Из них зарубежные фирмы проектировали все объекты (100 %) по искусственному волокну, половину (50 %) по химической промышленности, половину заводов (шесть из двенадцати) по черной металлургии, почти треть проектов (30 %) по сахарной промышленности, 80 % проектов по горнорудной промышленности, один — по машиностроению (но какой — Сталинградский тракторный завод!)³⁸, 7 % по текстильной промышленности, 18 % проектных работ в каменноугольной промышленности и т. п.³⁹

Но эти субподрядные иностранные проектные фирмы очень сильно раздражали власть. Причина заключалась, прежде всего, в организационных трудностях

самого субподряда, в котором одной из серьезных проблем являлась недостаточная проработанность задания на проектирование. Причиной этого оказывалась неполнота исходных данных, их необоснованность, а следствием — необходимость изменения почти готовой проектной документации. Так, например, на строительстве Новостали в строительном сезоне 1929/1930 г. задания менялись по 2, 3 и 4 раза⁴⁰, и даже после того, как проектная документация была изготовлена и отправлена на стройку. Это приводило к значительным дополнительным работам не только по изменению проектной документации, но и к переделкам уже построенных зданий⁴¹. И если в отечественной проектной конторе, подчиненной тресту ВСНХ, переделка и корректировка проектной документации выполнялась по приказу, безропотно, то в иностранной фирме любые изменения были связаны с пересмотром соответствующих позиций договора, дополнительной оплатой, необходимостью давать ответы на возникающие тут же вопросы, потерями времени на переписку⁴² и т. д. и т. п.

Кроме того, внеплановое внезапное изменение сроков строительства (подчас, по вполне объективным причинам — вследствие изменения или уточнения плановыми органами объемов и направленности капитальных вложений), приводило к тому, что проектные организации заказами загружались в спешном, а порой, почти авральном порядке⁴³. В отношении зависимых проектировщиков, подчиненных отечественным проектным организациям, такое было вполне возможным. В отношении же независимых иностранных фирм подобное не проходило — они либо совсем отказывались от выполнения «горящих» заказов, либо выставляли неприемлемые финансовые условия. Принудить их, в отличие от отечественных проектных организаций, было нельзя.

Каково соотношение изготовленных проектов и согласованных проектов, и какой процент согласованных проектов пошел в практическую реализацию? Какова степень реализуемости проектов в условиях, когда генплан, формально являясь законодательным и регулирующим документом, в реальности оказывался постоянно приносим в жертву стратегическому приоритету — интересам промышленности и сиюминутным задачам заселения территории? В какой степени официальная статистика об обеспеченности строительства проектной документацией способна отразить состояние дел в градостроительном (или промышленном) проектировании?

Сыграли ли иностранные фирмы какую-либо роль в истории советской архитектуры? Смогли ли они привнести что-либо новое в повседневную практику изготовления советскими проектными организациями проектно-сметной документации? Способны ли были они вложить в процесс советской индустриализации истинно европейский порядок и дисциплину труда? Не потому ли отказались от услуг иностранных проектировщиков, что руководству ВСНХ гораздо легче было и в организационно-управленческом, и в финансовом, и в содержательном планах, управлять собственными подчиненными структурами, нежели погружаться в детальное и скрупулезное составление договоров с иностранными подрядчиками, предварительно продумывая, учитывая и прописывая все возможные нюансы, условия и содержание проектного задания (и, фактически, отказывая себе тем самым в возможности что-либо менять в ходе работ)?

Второй мощный поток — непосредственный приезд иностранных архитекторов в СССР. Они стремились сюда потому, что родина победившего социализма

казалась им страной архитектурного будущего, страной нового градостроительства. Отмена частной собственности на землю воспринималась как предпосылка реализации заветной мечты — возможности планировать современные города, не оглядываясь на границы частных участков. Многие на Западе видели в авангардной советской архитектуре, в частности, в советском конструктивизме, новый путь развития мировой архитектуры, а конструктивизм считался чуть ли ни официальным советским государственным архитектурным стилем.

Кто из высшего руководства страны принимал решение о приглашении Б. Таута, Х. Майера, М. Канна⁴⁴ или, например, группы Э. Маю? С какими целями? Кто курировал его деятельность? Кто принимал решения о передаче Э. Маю проектных работ, которые, заметим, до его приезда вполне успешно выполнялись советскими проектными организациями. Так, например, проектирование соцгорода Магнитогорска было начато постановлением СНК РСФСР № 5 от 11 ноября 1929 г. «О строительстве Магнитогорского комбината и рабочего поселка при нем». 18 декабря 1929 г. была утверждена программа проектного конкурса, и в начале марта 1930 г. жюри были рассмотрены проекты планировки, на основе которых Госпроекту было поручено разработать проект планировки города Магнитогорска. 17 сентября 1930 г. разработка проекта планировки перешла к Магнитострою, который передал все проектные работы Гипрогору НКВД РСФСР. 19 октября 1930 г. разработанный Гипрогором проект докладывался автором — архитектором С. Чернышевым в Коммунистической Академии. Сразу после этого Гипрогор вынужден был приступить к разработке нового проекта планировки в связи с переносом очистительных прудов на новое место, что выяснилось лишь в середине октября. Эта работа совпала по времени с поездкой комиссии в составе представителей Восток-Стали, Магнитостроя, Гипрогора, архитектора Э. Маю и других экспертов на место строительства соцгорода, в ходе которой Магнитострой предложил Э. Маю разработать свой вариант проекта, параллельно с Гипрогором. Разработка Гипрогором нового проекта была начала 10 ноября, одновременно с разработкой проекта Э. Маю, и закончена 25 ноября, также одновременно с окончанием проекта группой Э. Маю. Для рассмотрения проектов СНК СССР была создана специальная Комиссия. Входящие в состав комиссии эксперты — как пишет в своей докладной записке в СНК РСФСР народный комиссар НКВД РСФСР В. Н. Толмачев — вынесли единодушное решение принять проект Гипрогора, как «наиболее отвечающий нашим условиям»⁴⁵. Но, несмотря на это, 10 декабря 1930 г. Правительственная Комиссия приняла решение передать все проектно-планировочные работы архитектору Э. Маю⁴⁶. Кто способен был определять принятие подобных решений? Кто лично в ЦК ВКП(б), в правительстве СССР, в руководстве ВСНХ и НКТП курировал эти процессы?

Западные архитекторы, работавшие в СССР, как и иностранные фирмы, ведущие проектирование из-за рубежа, плохо вписывались в формирующийся порядок осуществления проектных работ в рамках государственной системы проектного дела, плохо включались в трудовой порядок проектной деятельности. Они, даже находясь непосредственно в штате проектной организации, не понимали, почему меняются исходные проектные задания, и, в случае вынужденных переделок уже готовой документации (произошедших из-за изменений проектных заданий, т. е. не по их вине), просили пересмотреть объемы и сроки проектной работы и величину оплаты.

Сыграли ли они какую-либо роль в изменении траектории развития советской архитектуры? Или их участие в проектных работах в СССР было сплошным разочарованием с обеих сторон? Как они относились к необходимости проектировать коммунальные квартиры, бараки, общежития, дома-коммуны, возводившиеся в новостройках «соцгородов»? Понимали ли они истинные цели жилищной и градостроительной политики советской власти?

Часто звучащие слова о том, что советская история, и, в том числе история советской архитектуры и градостроительства, до сих пор остается белым пятном, увы, близки к истине. Погружение в фактический материал не столько дает ответы, сколько ставит все новые и новые вопросы и заставляет пересматривать, казалось бы, непоколебимые истины, которые на поверку оказываются ничем иным, как давно сформированными и хорошо укорененными мифами.

Примечания

- 1 Термин «неофициальное градостроительство» предложен Dr. D. Chmelniczki. В беседах с ним намечены основные проблемные фокусы данной статьи.
- 2 Одно лишь заседание, прошедшее в мае 1930 г. в Комакадемии ЦК ВКП(б), привлекло более чем тысячную аудиторию.
- 3 О работе по перестройке быта см.: Постановление ЦК ВКП(б)/КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. М., 1984. С. 118–119.
- 4 *Меерович М. Г.* С точностью до наоборот: советская градостроительная политика, как «другая» // Россия и современный мир: проблемы политического развития. Материалы I межвузовский научной конференции. Москва. 14–16 апреля, 2005 г. / Под ред. Д. В. Васильева. М., 2005. С. 148–153; *Он же.* От города-сада к социалистическому поселку-саду. Государственная градостроительная политика в СССР в начале–середине 1920-х гг. // Проект-Байкал. 2006. № 7. С. XXX–XXXIX.
- 5 Идея рабочего поселения-сада в ее приложении к существовавшим в послереволюционный период условиям СССР, рассматривается в трудах: *Бархин Б. Г.* Современные рабочие жилища. Материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ. М., 1925. 86 с.; *Вилениц-Горовиц Е. В.* Из области жилищного вопроса в Германии (законодательство, инспекция, строительство). М., Б. г. Отдельный оттиск. 20 с.; Деятельность Строительного Совета при Главном торфяном комитете за период 17 июня — 1 октября 1918 г. // Бюллетени Главного торфяного комитета отдела Топлива ВСНХ. 1918. № 3–5. С. 39–44; *Иванов В. Ф.* Города-сады и поселки для рабочих. Планировка, водоснабжение, канализация. Л., 1925. 72 с.; *Кожаный П.* Рабочее жилище и быт. М., 1924. 80 с.; *Марковичков Н.* Многоэтажные дома или коттеджи? // Справочник по жилищному строительству М., 1926. С. 83–93.
- 6 В частности, главной задачей созданной весной 1918 г., фактически, первой государственной проектной организации — Архитектурно-художественной мастерской Строительного отдела Московского Совета РК и КД, которую возглавили И. В. Жолтовский и А. В. Щусев, было «распределение территории г. Москвы на фабричные районы, сады-города...». Аналогичную задачу по превращению г. Петрограда и малых городов губернии в города-сады практически, в тот же период, выдвигает и Архитектурная мастерская по урегулированию плана г. Петрограда и его окраин.
- 7 *Хан-Магомедов С. О.* Архитектура советского авангарда: В 2 кн. / Кн. 2: Социальные проблемы. М., 2001. С. 61.
- 8 Там же.
- 9 См.: *Алешин В. Э.* Развитие представлений о социалистическом поселении в градостроительстве Украины в 1920 — начале 1930-х годов: Дисс. ... канд. арх. К., 1987. 242 с.; *Астафьева-Другач М. И.* Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы. 1917–1925: Дисс. ... канд. арх. М., 1971. 267 с.; *Косенкова Ю. Л.* Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. М., 2000. 378 с.; *Хазанова В. Э.* Опыт изучения истории советской архитектуры. 1917–1932 гг.: Автореф. дисс. ... д-ра искусствоведения. М., 1996. 80 с.; *Она же.* Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М., 1970. 216 с.; *Хан-Магомедов С. О.* Архитектура советского авангарда: В 2-х кн. / Кн. 2: Социальные проблемы. М., 2001. 712 с.

- 10 *Хазанова В. Э.* Советская архитектура первой пятилетки. М., 1980.
- 11 *Хан-Магомедов С. О.* Указ. соч.
- 12 См.: *Бородкин Л. И., Максимов С. В.* Крестьянские миграции в России/СССР в первой половине четверти XX века. (Макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 124–142; *Бугай Н. Ф.* 20–50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. 1993. № 4. С. 175–185; *Земсков В. Н.* Судьба кулацкой ссылки (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147; *Красильников С. А.* Серп и Молот: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. 228 с.; *Платунов Н. И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в довоенные годы социалистического строительства: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1978. 40с.; *Суворова Л. Н.* За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993. № 4. С. 48–59.
- 13 См.: *Александров И. Г.* Восстановление производства в России. М., 1924. 21с.; *Он же.* Географические центры нового строительства и проблема районных комбинатов // Первая всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. Вып. IV. М.; Л., 1931. 24 с.; *Он же.* Районирование как основа построения Народного Хозяйства // Власть Советов. 1923. № 3 С. 51–57; *Волков Е. З.* К истории хозяйственного районирования СССР // Плановое хозяйство. 1925. № 3. С. 234–239; *Гольденберг Э.* Теория промышленного районирования Альфреда Вебера // Плановое хозяйство. 1925. № 3. С. 223–229; *Морозов Н.* Веберовская теория промышленного штандорта и ее критики // Социалистическое хозяйство. Кн. 3. М.; Л., 1927. С. 220–238.
- 14 См.: *Бернштейн-Коган С. В.* К вопросу о постановке работ по районированию и рационализации географического размещения промышленности. С приложением статьи Э. Гольденберга «Теория промышленного районирования Альфреда Вебера». М.; Л., 1925. 38 с.; *Васютин В. Ф.* Состояние и очередные задачи экономической географии // Вопросы экономической географии. М., 1934. С. 3–23; *Дашковский И.* Рецензия на книгу А. Вебера. Теория размещения промышленности // Хозяйство Украины. 1926. № 11–12; *Детина С.* Закономерности социалистического размещения производительных сил СССР // Вопросы экономической географии. М., 1934. С. 72–157; *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. 271 с.
- 15 См.: *Боровой А. А.* Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М., 1933. 224 с.; *Коньшева Е. В.* Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1930-х гг. в контексте развития советского зодчества: Челябинск, 2005. 256 с., *Невзгодин И. В.* Идеалы Говарда в градостроительстве Западной Сибири 1920–1930-х гг. 2003. 13 с., рукопись.
- 16 Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Биография профессии. 32 год и другие // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. 1992. № 1. С. 27–31; *Он же.* Профессия должна иметь биографию // Проект-Сибирь. 2004. № 18. С. 47–51; *Он же.* Соцгород – базовая концепция градостроительной политики в СССР в 1926–1930 гг. // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2005. № 5 (17). С. 203–211.
- 17 Параллельно с этим в недрах военного ведомства вызревает не только доктрина превентивного удара, но и концепция формирования структуры «военно-гражданских» производств, способных буквально в считанные дни перестраиваться на выпуск военной продукции (см. ниже).
- 18 РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 17–20.
- 19 *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 5, 95.
- 20 Эта идея выдвигалась и ранее. Так, например, 2 марта 1924 г. в докладе «Об организации военной промышленности», представленном в Реввоенсовет, Совнарком и СТО начальником Главного Управления Военной промышленности ВСНХ СССР. П. И. Богдановым и его помощником по военно-техническим вопросам проф. В. С. Михайловым, было высказано предложение обеспечения интересов обороны страны гражданской промышленностью, имеющей заводы, приспособленные для изготовления военных изделий (*Симонов Н. С.* Указ. соч. С. 38).
- 21 РГВА. Ф. 4. Оп. 41. Д. 1107. Л. 62.
- 22 Позже быстро развеявшаяся.
- 23 В советской историографии аналитическая литература подобного рода весьма малочисленна. В отношении поставленных вопросов можно опереться на материалы монографии Н. С. Симонова. (См.: *Симонов Н. С.* Указ. соч.).

- 24 Истоки этой стратегии следует искать в истории начального этапа существования советского государства — создание в 1918 г. системы концентрационных лагерей, введение всеобщей трудовой повинности, формирование «трудовых армий» — воинских соединений принудительного гражданского труда и т. п.
- 25 11 июля 1930 г. получил, в соответствии с новым уставом, наименование: Государственный институт по проектированию металлургических заводов.
- 26 Единственное исследование, посвященное этой теме, осуществлено И. А. Казусем (*Казусь И. А. Организация архитектурно-градостроительного проектирования в СССР: этапы, проблемы, противоречия (1917–1933 гг.): Дисс. ... канд. арх.: в 2-х т. М., 2001. 667 с.*). Оно представляет огромную ценность, так как дает уникальный фактический материал по списку и особенностям эволюции проектных организаций, входивших в общегосударственную систему массового проектного дела в СССР в период 1917–1933 гг.
- 27 Постановление СНК СССР от 23 ноября 1930 г. «О правах заказчиков на изготовленные по их заказам архитектурные, инженерные и иные технические планы, чертежи и рисунки» // СЗ СССР. 1930. № 58. ст. 613. С. 1126.
- 28 На эти вопросы не дает ответа и вышеназванное исследование И. А. Казуся. Оно скорее указывает на фактически закрытую до сих пор область исторической информации, нежели дает исчерпывающие ответы на вопросы, лавинообразно возникающие при столкновении с неизученным материалом.
- 29 *Коккинаки И. В. Советско-германские архитектурные связи во второй половине 20-х годов // Взаимосвязь русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980, С. 117, 124; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Путеводитель. Вып. 3: Фонды личного происхождения. М., 2001. С. 89.*
- 30 *Меерович М. Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): Дисс. ... д-ра. ист. наук. Иркутск, 2004. 659 с.*
- 31 Термин «привязка типового проекта», обозначал особый, довольно сложный (и до сих пор, кстати, не описанный исследователями) вид проектной работы, предполагавший применение готового проекта для вторичного использования на конкретном месте с учетом конкретных особенностей этого места (рельефа, климата, характера грунтов, господствующих ветров, наличия местных строительных материалов и т. п.).
- 32 К концу 1930-х гг., в комендатурах ГУЛАГа половина спецпереселенцев работала в сферах промышленности и строительства, четверть на лесозаготовках, а оставшаяся четверть — в сельском хозяйстве. (*Красильников С. А. Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 65*).
- 33 По Ленинграду данные приведены: За индустриализацию. 1932. № 82. С. 3; по Харькову: Будивництво. 1930. № 3–4. С. 101.
- 34 В проектирующих организациях трудилось примерно 7–10 % от всего наличного количества иностранных специалистов. Так, например, в июле 1933 г. из 1989 инспектистов, работавших в тяжелой промышленности СССР, в проектирующих организациях (включая и инженеров) трудилось 136 чел., т. е. 7 %. (Справка ИНО НКТП о привлечении иностранной технической помощи в тяжелую промышленность СССР. Декабрь 1933 г. // Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Часть 2. М., 1999. С. 252–268). Хотя нет уверенности в том, что этим цифрам можно безоговорочно верить, так как, например, в аналогичной справке, через год подготовленной ИНО НКТП в Бюро жалоб Комиссии советского контроля, приводятся совершенно иные цифры об общей численности иностранных специалистов, работающих на предприятиях Наркомтяжпрома в 1933 г.: «на 1/1–1933 г. — высшего технического персонала — 1180, среднего — 1249; рабочих — 4121, всего — 6550» (Справка ИНО НКТП в Бюро жалоб Комиссии советского контроля о динамике численности инороботников на предприятиях НКТП. Декабрь 1934 г. // Индустриализация Советского Союза... С. 272–279).
- 35 Неуклонно осуществляемый правительством в период 1928–1930 гг. курс на уменьшение доли частного проектирования привел к сокращению количества проектов, исполняемых в порядке частных заказов (специалистами-профессорами) с 1,5 % в 1928 г. до 0,3 % в 1929 г. А в 1930 г. окончательно огосударствлению частного проектирования, через запрет заказывать проекты отдельным архитекторам на договорных условиях (СЗ СССР. 1930. № 58. Ст. 613. С. 1126).
- 36 Ханнес Майер — швейцарский архитектор, коммунист, приехавший в СССР в 1930 г., после смещения за крайне левые убеждения с поста директора Баухауза в Дессау; занимал до конца 1931 г. пост одного из главных архитекторов «Гипровтуза», возглавлял в институте «Стандартпроект» разработку ряда градостроительных проектов для Сибири и Дальнего Востока,

- профессор ВАСИ, консультант «Гипрогора», с 1934 г. — член и профессор только что организованной Академии архитектуры (*Konrad Püschel. Wege eines Bauchäuslers. Dessau, 1997; Хан-Магомедов С. О. Указ. соч. С. 268*).
- 37 *Konrad Püschel. Wege eines Bauchäuslers. Dessau, 1997. S. 56.*
- 38 Что, кстати, составляло почти четверть (22,5 %) от всего объема проектных работ по машиностроению.
- 39 Индустриализация СССР. 1929–1932 гг. Документы и материалы. М., 1970. С. 111–113.
- 40 Из конъюнктурного обзора Госплана СССР о выполнении народнохозяйственного плана за октябрь 1929 — июнь 1930 г. [не ранее 1 июля 1930 г. (датировано по содержанию)] // Индустриализация СССР. 1929–1932 гг. С. 134.
- 41 Так в строительном сезоне 1929/1930 г. на Магнитострое вследствие изменений проектов возникла необходимость сноса ряда уже возведенных сооружений (Там же. С. 134–135).
- 42 Из доклада ВСНХ СССР в Совет Труда и Обороны о постановке проектирования в капитальном строительстве промышленности от 18 мая 1929 г. // Там же. С. 118.
- 43 Там же. С. 117.
- 44 Брата Альберта Канна, руководившего в Москве работой группы инженеров фирмы «Альберт Канн Инкорпорейтед».
- 45 [Толмачев В. Н.] В Совет Народных Комиссаров // ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7668. 120 л. Материалы и дела по планировке городов и поселков. 1. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том. II. 2 дек. 1930 — 18 июля 1931. Л. 11–12.
- 46 Там же.